

Борис КОРНЕВ

Маленькая улочка в большом городе

(O tempora! O mores!)

очерк

Глава государства прилетел в Париж на нормандский формат – пора и мне! Душа моя здесь со школьной скамьи. Память хранит многие адреса, факты и особенную красоту этого великого города. Города, где воздух от земли до крыш мансард пропитан ароматом любви, где тебя завораживает трогательное и незабываемое звучание его маленьких улочек, скверов и церквей, ушедших и сохранившихся свидетелей сложной и, наверное, как у всех запутанной истории страны.

А сам я?.. И сам я, случись что, – тут как тут. Всегда и везде объявляюсь в самые необычные моменты. В Барселоне во время незаконного референдума о независимости, в Москве во время терактов на Тверской, в Питере, когда был взрыв в метро, в Тулузе сразу после введения чрезвычайного положения... Даже во время жуткой трамонтаны в Перпиньяне и урагана «Лесли» под Лиссабоном умудрился присутствовать. Вот и сегодня, не ЧП, конечно, но знаковая встреча руководителей четырёх стран Европы.

Лишь бы мне в эту яркую череду событий не вносить свой вклад! А то ещё организм сам вспомнит мои двадцать лет антикризисных проектов... Нет, я не спасатель и не «интеллектуальный спецназовец». Так, за ностальгией...

Завтра побываю на самой узенькой улочке – Кота Рыболова (*rue du Chat qui Peche*). Там одно время жил Бодлер. Потом на перекресток улиц Сен-Жак и Эколь (*rue de Saint-Jasques et rue des Ecoles*). Здесь была неправильно повёрнутая церковь для «чокнутых» – Сен-Бенуа-ле-Бетурне (*Saint- Benoit Le Beturne*). Потом по длинной лестнице на Монмартр, на самый верх Парижа – к Базилике Сакре-Кёр (*Basilique du Sacre Coeure*).

Ещё поищу улицу Талейрана (*rue de Talleyrand*). Уже давно задумал написать про великого дипломата, предавшего своего императора, но спасшего Францию.

xxx

Прилетел из Барселоны в аэропорт «Шарль де Голль». «Своих» не застал. Должно быть, вся делегация уже отбыла. Во время! Всюду очереди, очереди, очереди... На поезд, на автобус, на паспортный контроль... Несмотря на Шенген, – в одной только Франции устроили проверку паспортов для любых рейсов. Хоть из стран Шенгена, хоть из Африки. Нечто похожее у входа в вагон редкого поезда от аэропорта до Северного вокзала, потом у выхода из него. Стоят в разных униформах при оружии не то полиция, не то военные. Всматриваются в лица проходящих. Фейсконтроль! Всё ищут кого-то... А рядом во всём красном мОлодёжь. Видимо, волонтеры. Как похожи на китайских «хунвэйбинов» или на российских «наших»!

А вот и гостиница! Называется «Искусство Монмартра» (*«Arts des Monmartre»*). Бесплатно пить чай, есть хурму и нисперо... Спать!

Вот он, зимний утренний Париж! Сколько разных воспоминаний! Однако дождь. Не работают одиннадцать из четырнадцати линий метро. Такси-Uber не дожидаться, на автобусы очереди. Опять этот сакраментальный вопрос: «Что делать?» Хотел самокат электрический взять напрокат. Передумал. Не Барселона! Только там тротуары в три раза шире мостовых и есть специальные дорожки для всяких чересчур спортивных особ. Лучше пережду час-другой и схожу туда, где никого нет. «На кладбище!» – говорю себе. И отвечаю: «Правильное решение!»

На кладбище Монмартра (*Cimetiere de Monmartre*) легко заблудиться. Указатели названий многих улиц повёрнуты не туда. То ли их ветром снесло, то ли кто-то невидимый помог... Однако могилу Эмиля Золя (*Emile Zola*) нашёл сразу. Она на возвышенности и рядом с большим уже по-зимнему голым деревом. Вернее, не могилу нашел. Она здесь была только первые шесть лет после смерти писателя. В 1908-м её перенесли в Пантеон (*Pantheon*). А тут только кенотаф. Пишут, что Золя умер от отравления угарным газом, якобы

из-за неисправности дымохода в камине. Однако позднее некий трубочист Анри Буронфоссе признавался в том, что намеренно заблокировал дымоход квартиры писателя в Париже. Вот что значит – под конец жизни возлюбить социалистическую идею и выступать против силовых структур с разного рода заявлениями!

Долго под дождём высматривал «Стендаля» (*«Stendhal» – Marie-Henri Beyle*). В знак уважения к роману – предшественнику психологического реализма хотел сфотографироваться рядом с надгробием с двумя раскрытыми зонтами. У меня они с собой: красный – мой, он всегда в кармане куртки, и чёрный – из гостиницы! Могилу еле отыскал! Черты лица на барельефе совсем не напоминают Стендаля и на памятнике всё по-итальянски написано. Это такая дань городу Милану, где, как говорят, даже запах конского навоза чуть не до слёз трогал молодого сублейтенанта драгунского полка «*Arrigo Beyle. Milanese. Scrisse. Amo. Visse...*» (*Арриго Бейль. Миланец. Писал, любил, жил...*) Очень любил Милан! А после русской кампании, естественно, разочаровался в Наполеоне. Поход на Россию – это вам не блестящая итальянская кампания! Подумать только! Все свои рукописи потерял, когда через Березину перебирался.

А вот Дюма-сына, Эдгара Дега и певицу Далиду так и не нашёл... Жаль! Как будто не прочитал «Даму с камелиями», не видел «Голубых танцовщиц» и не слушал "Paroles, paroles, paroles..." Зато всюду вереск! Опять эти лиловые соцветия, похожие на ландыши и воспетые Аполлинером (*Guillaume Apollinaire*)! Они меня преследуют! И в Андорре, и во французской Каталонии, и в Португалии, и в Испании рядом с Барселоной. Теперь вот и в Париже достали.

Наконец-то удалось поймать «Uber». Прямо от кладбища едем к мосту Александра III. Вот здесь надо отметить. Когда бываю в Париже, всегда фотографируюсь на этом месте. Попросил сфотографировать... китайских туристов. Их тут много! Уже виден купол Дворца Инвалидов (*Hotel des invalides*). Слева от него должна быть маленькая улочка Талейрана.

Талейран – предательство или патриотизм? Всегда актуальная тема. То разные понятия – страна и государство, а тем более его глава! Министр иностранных дел Франции Талейран присягал стране, а не Наполеону. И когда гениальный дипломат понял пагубность политики императора для

своей Родины, да и для себя тоже (надо сказать, понял значительно раньше Стендаля), во-первых, как человек благопристойный, покинул пост министра в правительстве Бонапарта и только потом предал. Да, предал Наполеона! По сути, вся жизнь Талейрана – эгоцентризм в действии, одиночество, закрытость и постоянные сомнения при видимости уверенности в себе. А в итоге – спас Францию! Иначе в 1814-ом на Венском конгрессе союзники, при всём уважении к ним, расчленили бы эту прекрасную страну на мелкие кусочки. Примерно так, как в похожей ситуации сделали с другой европейской державой в середине прошлого столетия. Там тоже были свои «талейраны», но у них не получилось!

Так предательство или патриотизм?

Наполеон, погубивший три поколения французов, – национальная гордость. Его останки лежат неподалёку от этой незаметной улочки с именем Талейрана, но во Дворце Инвалидов в саркофаге из шокшинского малинового кварцита. А Талейран... Это имя чаще всего нарицательное. Был министром при пяти, сменявших друг друга режимах, и, изменяя им, он никогда не изменял ни себе, ни Франции. Награждён высшими орденами почти всех известных стран. "Его должны были бы украшать венками, а в него кидают грязью", – писал о Талейране большой знаток души человеческой Оноре де Бальзак (*Honore de Balzac*). Лишь одна маленькая улочка носит имя Талейрана. словно памятник одиночеству выдающейся личности уединилась она в VII округе Парижа, узенькая, с односторонним движением, ни одного деревца, ни одного цветка. Всего-то сто пятьдесят шагов! Даже в Пантеоне ему места не нашлось, как, впрочем, и Бальзаку. Эх, Франция, Франция... Ну, почему так?

Чувствую, что-то меня гложет. Точно! Коли уж этот лиловый вереск на кладбище опять явился предо мной, грех не вспомнить моё любимое пятистишие Аполлинера «Прощание» и тайны «пылающего Разума» поэта:

Срываю вереск. Осень мертва.

На земле – ты должна понять

Мы не встретимся больше. Шуршит трава

Аромат увязания. Осень мертва.

Но встречи я буду ждать.

(пер. М. Кудинова)

А здесь недалеко кафе «Бык на крыше» (*«Boeuf sur le Toit»*). Там в двадцатые годы, уже после смерти поэта проводила время муза Аполлинера художница Мари Лорансен (*Marie Laurencin*), покинувшая его осенью после пяти лет любви. Надо отметить, что все возлюбленные поэта покидали его именно поздней осенью...

Под мостом Мирабо тихо Сена течёт

И уносит нашу любовь...

Я должен помнить: печаль пройдёт

И снова радость придёт

И ночь приближается, пробил час

Я остался, а день угас

Проходят сутки, недели, года...

Они не вернутся назад.

И любовь не вернётся... Течёт вода

Под мостом Мирабо всегда...

(Г. Аполлинер. Мост Мирабо. пер. М.Кудинова)

Кафе «Бык на крыше» – место тусовки парижских художников, поэтов и прозаиков, такое же, как в Саре кафе «Пабло» около Испанских ворот. Нужно только вернуться к Сене. Пройти метров триста по набережной Орсе (*Quai d'Orsay*) до моста Инвалидов (*Pont des Invalides*), а потом ещё с километр по проспекту Франклина Делано Рузвельта (*avenue Franklin D. Roosevelt*), пересечь Елисейские поля (*avenue des Champs-Élysées*) и вторая направо улица Колизе (*rue de Colisée*). Там в доме номер 34 оно и находится.

Pardon! Оказывается это ресторан! И открывается он только с 15 часов... На кладбище Пер-Лашез (*Père-Lachaise*), где похоронен и Аполлинер, и Лорансен, не пойду! Достаточно могил на сегодня. Да и далеко! На другом берегу и ещё километра три-четыре за площадью Бастилии.

Должен заметить, у меня ещё с кризисных проектов особенное пристрастие к мелочам. Ведь дьявол именно в них! В любом деле есть две-три детали, на которые стоит обратить внимание, иначе в дальнейшем проблем не оберёшься. И, кстати, мелочи – это лакмусовая бумажка. Она часто проявляет порою сокрытое от глаз.

Итак. На маленькой улочке Талейрана мы побывали. На такой же, только раза в три длиннее, улице Колизе – тоже. Теперь на самую узенькую. Её ширина всего два шага, а длина тридцать метров. И, тем не менее, эта улица Кота-Рыболова (*Rue du Chat-qui-Pêche*), вернее сказать переулок, существует ещё с XVI века! Здесь была лавка. Её остроумный хозяин на вывеске нарисовал своего кота и написал: «Каждый здесь выудит» («*Chaque y pêche*»). А звучит одинаково и первое, и второе сочетание французских слов. Так и прозвали улочку в Латинском квартале между улицей Юшетт (*rue de la Huchette*) и набережной Сен-Мишель (*quai Saint-Michel*) – улицей Кота-Рыболова. Здесь одно время жил Шарль Бодлер (*Charles Baudelaire*), поэт, эссеист и переводчик, основоположник символизма во французской поэзии, автор «Цветов Зла».

С двух сторон переулочка грязная обшарпанная стена, ржавые водосточные трубы, окна разной величины и лишь одна, покосившаяся, ужасного вида входная дверь. Но Бодлер любил и умел в безобразном находить прекрасное. В этом и есть вечная тайна искусства. Любое самое изощрённое и отвратительное содержание, будучи представленное в художественной форме, чудесным образом превращается в нечто притягательное и завораживающее.

Именно здесь, пребывая в творческом «запое» и воображая ласки любви «дев его цветущих», «пылающий Разум» Бодлера разродился некогда осужденными, а теперь уже всем хорошо известными стихами.

«Этот ласковый лоск чрева,
Чресел и ног,
Лебединый изгиб ненаглядного
Сада
Восхищали меня, но дороже
Залог –
Грудь-гроздь, краса моего
Винограда...»

(Украшенья. Пер. В. Микушевича)

Тогда, В 1857 году шесть стихотворений Шарля Бодлера (*«Украшенья», «Лета», «Слишком весёлой», «Проклятые женщины», «Лесбос» и «Метаморфозы вампира»*) «за нарушение норм общественной морали» были запрещены к изданию решением исправительного суда департамента Сена в Париже. Но это прелестные стихи! Здесь же не отказ от моральных припципов, а их переосмысление! Что тогда сделали бы с моими эссе «Зеркало любви» и «Пробуждение»?

Совсем рядом, на улице Юшетт, маленькое кафе. Оно напротив дома номер 5, где раньше была дешёвая гостиница. Там в 1796-м, перед Итальянским походом снимал жилье 27-летний дивизионный генерал, корсиканец Наполеоне Буанопарте. Платил три франка за неделю и где-то рядом питался. Один раз в день.

Я, пожалуй, тоже здесь откушаю и ещё выпью виски. А то после Барселоны в Париже холодно.

Согревшись, полюбуюсь Собором Нотр-Дам-де-Пари (*Notre-Dame de Paris*). Благо, он тут рядом. Выходишь по улочке Кота-Рыболова на набережную Сен-Мишель, и пожалуйста, любуйся! Он на острове Сите, за Малым мостом (*«Petit-Pont-Cardinal Lustiger»*). Ещё Людовик VII в 1113 году передал епископу парижскому первые 200 фунтов серебра на его постройку. С тех пор, что только ни происходило с собором и внутри его! Открытие первого парламента Франции и коронация Наполеона Бонапарта, чествование маршала Петена, героя одной мировой войны и символа предательства и коллаборационизма в войне другой, реабилитация национальной героини Франции Жанны д Арк (*Jeanne d Arc*), сожжённой на костре в Руане... И в завершение – пожар в апреле этого года.

Над собором на месте обрушившегося девять месяцев назад знаменитого шпиля хорошо видна повисшая стрела огромного крана. Символический срок! Тем не менее, вход в собор закрыт, подход – тоже. Шпиля как не было, так и нет. И ещё строители просят целый миллиард евро для завершения ремонтных работ!

Расстроился что-то... Главный собор Парижа закрыт на ремонт, городской транспорт не работает, Золя отравили угарным газом, Далида сама отравилась, Талейрана до сих пор считают хитрым и беспринципным

интриганом, барельеф Стендаля не похож на писателя... Бодлера за его стихи осудили и оштрафовали. Его имени нет не только в «Истории французской литературы» (*«Histoire de la Litterature francaise»*), изданной через полвека после смерти поэта, но даже на могиле на кладбище Монпарнас. Просто: «пасынок генерала Жака Опики...»

Франсуа Вийон в известном французском фильме 2010 года назван вором и убийцей. Неужели не понятно! Вор и убийца – это же маски! Маски, в которые то и дело рядился Вийон. Маски сутенёра, бандита, влюблённого школяра... Он писал от первого лица, чтобы лучше раскрыть то, что видит и чувствует его персонаж. В конце концов, почитайте протоколы судебных процессов, связанных с Франсуа Вийоном... Они сохранились! Тогда, несмотря на недавно завершившуюся Столетнюю войну, правосудие во Франции было весьма скрупулёзным. Вийон, как сказал А.С.Пушкин, почитался первым народный поэтом, а его имени даже нет в книге «Французская литература» (*«Litterature francaise»*. ISBN: 978-2-7098-2180-3), того же с фильмом 2010 года выпуска. Как сговорились!

Не хватает только демонстраций на всех главных проспектах столицы. Хоть «жёлтых жилетов», хоть за независимость чего-то одного от другого, хоть против пенсионной реформы... А то бы вообще... В Барселоне демонстрации. В Париж приехал – так и тут тоже, понимаешь, что-то своё упорно демонстрируют. Пусть с шариками, пусть без оных. Ну, куда бедному туристу податься? Те, что в Барселону из других городов Каталонии шествуют, они хоть со своими туалетами...

Ну, вот, лёгок на помине! Смотрю, на набережной Сен-Мишель лавка со значками, а рядом на табурете сидит мужчина с собачкой на руках. Вылитый Пучдемон – бывший руководитель Каталонии, объявивший о её независимости. В Париже!? И продает значки с изображением Ленина!? Странное видение!

Однако, не стоит мусолить чувство обиды, погружаться в извечную противоречивость бытия! Цветущий вереск постепенно гасит мой «пылающий Разум». Он вообще снимает любые воспаления и исцеляет от всякой хвори! Лучше свернём-ка с набережной Сен-Мишель на улицу Сен-Жак. На пересечении её и улицы Эколь одно из зданий Сорбонны. Напротив разместился миленький скверик имени Поля Пенлеве (*Paule Painleve*), математика, политика, дважды премьер-министра Третьей республики и

создателя известной линии Мажино. А перед сквером почему-то памятник Мишелю Монтэню (*Michel de Montaigne*). Тому самому! Основоположнику жанра эссе, где изложение подчиняется «прихотливым извивам мысли и впечатлений».

Надо сказать, что этот сквер хоть как-то скрасил место, где раньше была церковь Сен-Бенуа-ле-Бетурне, построенная ещё в VI веке. Ведь об этом уже почти никто не помнит! В середине XV века в ней у дяди-капеллана свои лучшие года провёл студент факультета искусств Сорбонны Франсуа Вийон. Церковь была неправильно повёрнута, поэтому её часто посещали не вполне адекватные люди. Они считали её «своей»... Через двести лет церковь перестроили по рисункам Клода Перро, брата великого сказочника. Чуть позднее обоих братьев, Клода и Шарля, похоронили у этой же церкви... В 1812-м их могилы перенесли в катакомбы под Люко, то есть, под Люксембургским садом. А в 1831-м снесли и саму церковь.

Это всё проделки знаменитого Жоржа Османа (*Georges Haussmann*), префекта департамента Сена. Получив неограниченные полномочия от племянника Наполеона Бонапарта, последнего монарха Франции, он разрушил большую часть старого города и перекроил всю уличную сеть Парижа. Так появились широкие парижские проспекты, улица Эколь, новое здание Сорбонны на месте церкви Сен-Бенуа-ле-Бетурне. Так возник и миленький скверик напротив...

Эколь пересекает Сен-Жак. А та в свою очередь постепенно превращается в дорогу, которая ведёт сначала на юг, во французскую Каталонию, а после, – в Испанию. Она проходит через любимый городок всех французских художников – Сере (*Ceret*). Здесь сохранились памятники XIII века: «Ворота Испании» и «Ворота Франции». В первом, хранится археологическая коллекция, а во втором – книжная – Национальная библиотека. В ней на полочках, между прочими, стоят и мои «шедевры». Те, что изданы на французском языке.

День второй. Покидая свой номер в гостинице, обнаружил на дверях незаметную металлическую табличку. Сначала не обратил на неё внимания. Думал это про то, куда бежать при пожаре. Оказалось, на ней выгравировано что-то про писателя Марселя Эме (*Marcel Ayme*). Сразу вспомнил памятник ему на небольшом кладбище Сен-Венсан (*Cimetiere Saint-Vincent*), что посетил

вчера сразу после кладбища Монмартр. Это совсем рядом, метров семьсот вверх по улице Коленкура (*rue Caulaincourt*). Бронзовый памятник Марселю Эме заказал его друг, актер и писатель Жан Марэ. "Человек, проходящий сквозь стену".

«Что-то символичное есть во всём этом», – подумалось мне. Мол, покидая номер отеля, готовься ко всякого рода препятствиям. Дождь, забастовка, пробки, отмена рейсов, опоздания... И вчера, и сегодня, и... Опять вспомнились кризисные проекты девяностых и нулевых. Называется: «Приехал в Париж за воспоминаниями!» Прямо как токарь на пенсии, который специально ходит на завод понюхать стружку...

Так и есть! Проливной дождь, ветер, один зонт сломался, метро не работает. На автобусы жуткие очереди. Все, как на зоне, колоннами топают по тротуарам на работу пешком. Я сегодня тоже не собираюсь надеяться на штрейхбрейхеров от транспортников. Схожу к Сакре-Кёр, потом к Мулен Руж (*Moulin Rouge*) и всё! На площадь Пигаль (*Place Pigalle*) и в музей эротики не пойду. Не до них! Да и холодно...

К Базилике ведёт красивая лестница, облитая разными красками. Видимо, готовят туристов к нашествию местных художников. Сбоку от лестницы симпатичный скверик имени поэта Габриэля Рандона, взявшего себе псевдоним Жан Риктус (*Jehan Rictus*. «*Rictus*» по-французски «оскал»). Не знаю такого. Знаю только, что он был знаком с Аполлинером и Камю и перед смертью награждён Орденом Почетного легиона. Там, в скверике на стене какого-то дома два художника Фредерик Барон и Клер Кито (*Frederic Baron et Clair Kito*) умудрились на 311 языках написать: "Я тебя люблю". Здесь, словно бы место встречи влюблённых и надёжный памятник вечному обожанию! Мол, только множество разных языков не даёт возможности всем любить друг друга!

Вокруг Сакре-Кёр солдатики элегантно прохаживаются, как по подиуму. В беретах и с автоматами... Что-то давненько их не встречал. Предусмотрительно обошёл служивых слева, там, где с XII века за каменным забором высится аббатство Сен-Пьер-де-Монмартр (*Saint-Pierre de Monmartre*). После Великой Французской революции здесь был установлен оптический

телеграф. Именно с его помощью было принято первое сообщение о поражении армии Наполеона под Ватерлоо.

Вышел на художников. Дождь льёт как из ведра, а эти ходят кругами с мольбертами, всё норовят меня нарисовать... За деньги, конечно! Еле ускользнул. Галерей здесь маловато. В несколько раз меньше, чем в Сере. Нырнул в магазинчик сувениров и был таков! Правда, пришлось купить кепочку. А что? Ничего такая, утеплённая. Стал совсем похож на себя два года назад, когда всю зиму обитал в Сере и Перпиньяне. Только шарфик другой. Ну, известное дело, в Париже не без изысков! Иду себе в кепочке, сломанным зонтиком помахиваю... Приблизился к дому розового цвета. На нём так и написано «La Maison Rose». Что это? Не знаю. Розового кролика знаю, розового фламинго – тоже, в Оливейе, где гуляю с Масиком, тротуары розового цвета... А чтобы "дом розовый" – не слышал. Однако все фотографируются перед ним. Кто-то меня окликнул на непонятном языке. Не китайцы – это точно! Я бы понял. Подумал, просят их сфотографировать. Ан, нет. Просто хотят побыть рядом со мной! Должно быть, чувствуют «великого писателя современности». Или просто кепочка моя понравилась...

Не прошёл и двадцати метров. Ба! Знакомое лицо! Площадь имени певицы Далиды (*псевдоним – Dalida*) с памятником, вернее с её бронзовым бюстом. Он весь такой тёмный, а грудь блестит! Ну, не могут туристы просто любоваться! Что сразу бросилось в глаза? Площадь ДАЛИды, а рядом выставка картин ДАЛИ... Должно быть, как-то связаны были эти две личности? Хотя Сальвадор Дали (*Salvador marques de Dali de Pubol*) был известный однолюб. Свою жену Галу (Елену Дьякову) боготворил, тем более, что в своё время с таким трудом увёл её у Поля Элюара. Правда, потом в качестве компенсации написал его портрет.

Пора домой! Гляну на кабаре Мулен-Руж и в отель. Это рядом с ним, по милой древней улице Монмартра Лепик (*rue Lepic*) и направо. Ну, что сказать? Кабаре как кабаре. Построили Эйфелеву башню и отметили это дело в только что открывшемся на площади Бланш ресторане. Мельница как мельница. У меня под Выборгом такая же! Правда, этой четыреста лет.

Прохожу мимо входа в метро Бланш, а оттуда выбегают человек десять молодых парней, кричат чего-то и телефонами размахивают. Понял!

Сфотографировали ужас толкучки внутри поземелья. Упросил послать мне на WhatsApp. Это надо видеть!

Всё! До отъезда в аэропорт минут тридцать. Остался последний рывок. Но сегодняшней Париж не был бы таковым, если бы... Трансфер в аэропорт неприлично опоздал. Потом ехали сквозь сплошные пробки. На трёх основных перекрестках стояли огромные фуры с мусором. Все машины вокруг них чего-то ждут и гудят... Это такая месть за вчерашнее выступление премьера Франции! Тот попытался договориться с бастующими транспортниками. Простой, какой! Но нет худа без добра. Хорошо, что мой рейс «Air France» ещё вчера отменили. Самолёты тоже бастуют. Пришлось купить билет на что угодно, только не на французскую компанию. «Vueling»! Эти отлетают всего на час позже.

Наконец-то «Шарль де Голль»! Непривычно смотрятся пустые залы с гейтами... Однако наш рейс тоже почему-то на час позже вылетел. Почему, почему? Что ещё за вопрос? Это такая новая забава в Париже. Как только решишь передвигаться не на своих двоих – всё! Будешь стоять и ждать, как миленький, пока правительство с профсоюзами не договорится. Диспетчеры, ведь тоже французские. Самолёт долго добирался к взлётной полосе. Даже было такое ощущение, что он решил восполнить пассажирам утраченное в Париже – хоть где-то просто покатать. Прямо, как на автобусе! Только с реактивным двигателем. Едем и едем. Заметьте, не петляем, как это обычно происходит при выруливании на взлетную полосу, а довольно быстро катимся, будто по самому длинному мосту в Европе. Уж, всяко, большему, чем мост Васко да Гама в Лиссабоне или даже Крымский. Внизу под ним, слева и справа, сквозь залитый дождём иллюминатор видны встречные потоки огней – красные и жёлтые. По-прежнему, бурлит жизнь большого города...

Самолёт взлетел, я раскрепостился и уснул...

Только увидел во сне перед собой текст этой зарисовки о сегодняшнем Париже, вдруг толчок и бурные аплодисменты! Не скрою, сначала подумалось мне: «Ценит общественность! Да уж, что есть, то есть!» Но оказалось, это посадка... Почему? Даже пот выступил на лбу. Смотрю на часы. Ещё лететь почти пятьдесят минут! Или это аварийная? Где? В Лионе? В Бордо? Значит, ночевать на вокзале? Вот уж погулял по Парижу!

Эх, иллюзии, иллюзии! Как нам хочется порой ещё раз прикоснуться к прекрасному! Прикоснёшься – и всё сразу рассыпается прямо на глазах. Вот уж точно сказал Стендаль: «Красота есть лишь обещание счастья».

xxx

В последний день так намаялся, что по привычке счёл лифт гостиницы бастующим транспортным средством. Совсем забыл, что ещё вчера, поднимался на нём на свой этаж. Иду я пешочком по лестнице, смотрю – на дверях лифта рисунок из Маленького принца Экзюпери. И надпись: "On ne voit bien qu'avec le coeur."

Самого главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце.

Париж, 12.декабря 2019